

Чэн И — человек невероятно самодисциплинированный.

Во время съемок, чтобы поддерживать форму, он мог пить даже воду, в которой мыл овощи, и теперь этот же дух он вкладывал в присмотр за Ли Ляньхуа.

Яд Нефритового Чая был подобен бомбе, готовой взорваться от любого неосторожного движения, поэтому приходилось постоянно следить за тем, чтобы Ли Ляньхуа не использовал внутреннюю энергию.

В последнее время состояние Ли Ляньхуа улучшилось, он вставал даже раньше Чэн И.

Едва открыв глаза, Чэн И увидел, как Ли Ляньхуа поливает овощи. Даже в таком простом действии сквозило какое-то изящество и покой.

Чэн И медленно подошел ближе и заметил, что Ли Ляньхуа задумчиво смотрит на росток, только что пробившийся сквозь землю.

— Когда я вернулся к Восточному морю, у меня не было ни гроша, — произнес Ли Ляньхуа. — Пришлось заложить Жетон Главы секты, чтобы выручить пятьдесят лянов серебра. Чтобы не голодать, я начал выращивать овощи, но выживала только редька.

Глаза Ли Ляньхуа, устремленные на проклюнувшийся росток, слегка покраснели. Выражение его лица было сложным: казалось, он погружен в печальные воспоминания, в которых, однако, теплилась радость и волнение от самой жизни.

— В тот день, когда ты меня нашел, я как раз продал редьку и купил немного риса, чтобы сварить кашу. Наверное, оттого, что мне было слишком больно, ужасно хотелось чего-то сладкого, и я высыпал в кашу весь купленный сахар.

Чэн И вспомнил ту подгоревшую кашу, и уголок его рта дернулся:

— Когда готовишь завтрак, не сыпь сахар прямо в кашу. Лучше добавь его потом, прямо в свою миску.

Благодаря усердным наставлениям Чэн И, Ли Ляньхуа наконец научился готовить вполне сносно, вот только его привычка хаотично добавлять приправы по-прежнему вызывала опасения. Чэн И привык к легкой пище и не мог смириться с его любовью к чересчур острым или странным блюдам.

В конце концов, кто мог додуматься добавить сахар в рисовую кашу с редькой? Что это за адское сочетание?

Ли Ляньхуа покладисто кивнул.

Он умел готовить лишь самые простые блюда, да и в дороге, когда приходилось ночевать под открытым небом, их выручал мастер Цици, поэтому настаивать на кулинарных пристрастиях он не стал.

Закатав рукава, Ли Ляньхуа выдернул выбранную редьку и направился вниз, чтобы помыть ее и заняться обедом.

Он не сказал Чэн И, что в тот день, когда яд обострился и он впал в беспамятство, ему казалось, будто весь мир отвернулся от него. Когда он очнулся и принял лекарство, леденец, который Чэн И вложил ему в руку, стал единственной сладостью, которую он попробовал за долгое время.

В тот момент Чэн И стал для него единственным лучом света, забрезжившим в темных водах Восточного моря, где он захлебывался. Именно поэтому он впоследствии согласился обучать Чэн И боевым искусствам и позволил странствовать вместе с ним по цзянху.

Хотя новости, которые приносил Чэн И, бывали разными, они доказывали: Ли Сяньи не остался в полном одиночестве.

Они направлялись в Усадьбу Сбора Лотосов.

Хотя имеющаяся информация совпадала с событиями сценария, это был реальный мир, и могли быть расхождения. Найти поддельное тело было самым надежным решением.

Они не могли долго оставаться на одном месте, поэтому открывать лавку было неудобно, а продажа секретных рецептов привлекала слишком много внимания. Теперь их основным заработком стало врачевание: и деньги приносило, и карму улучшало — неплохой вариант.

На самом деле, поначалу они пробовали торговать овощами, но выходило не очень. Помимо того, что из-за ограниченной грузоподъемности Павильона Лотоса выращивать их в больших количествах было невозможно, продавать их оказалось делом непростым.

Ли Ляньхуа еще не умел торговаться на рынке так искусно, как спустя десять лет, и сколько бы он ни зазывал покупателей, выручка была мизерной. Зато его привлекательная внешность собирала вокруг массу зевак.

О Чэн И и говорить нечего: он был слишком застенчив. Покричать-то он мог, но его лицо, до жути похожее на лицо Ли Сяньи, тоже создавало проблемы.

К счастью, Павильон Лотоса обеспечивал их всем необходимым для жизни, и одного удачного приема пациентов хватало, чтобы выручить пять лянов серебра, которых им хватало на какое-

то время.

Когда Чэн И спустился вниз, обед был готов. Из-за того, что Ли Ляньхуа долго возился на кухне, пряди его волос выбились из прически, что придавало ему неожиданную мягкость и очарование.

Какой же он все-таки красивый!

В тот миг, когда эта мысль промелькнула в голове, Чэн И вдруг понял значение слов нежный и чистый.

Заметив, что Чэн И застыл на месте, Ли Ляньхуа подошел и приложил тыльную сторону ладони к его лбу:

— Лихорадки нет, чего застыл? Садись есть.

За последние полгода яд не давал о себе знать, и лицо Ли Ляньхуа стало выглядеть здоровее. Каждый день, практикуя внутреннюю энергию, Чэн И помогал ему подавлять токсины. Теперь, если не считать запрета на использование внутренней силы, Ли Ляньхуа ничем не отличался от обычного человека.

Вот только поврежденные меридианы восстанавливались с трудом, зато пять чувств работали исправно.

Вкусовые рецепторы тоже не подводили, и потребление леденцов возросло в разы. Ли Ляньхуа дошел до того, что начал добавлять сахар даже в кашу с редькой — обычный человек такого бы точно не вынес.

Впрочем, между легким вкусом и безумными сочетаниями все же была разница.

После обеда Ли Ляньхуа отправился править повозкой, а Чэн И занялся домашними делами. Павильон Лотоса постепенно наполнялся мелкими вещичками, создавая атмосферу настоящего домашнего уюта.

Когда Павильон Лотоса, покачиваясь, приблизился к Усадьбе Сбора Лотосов, они припарковались на пустыре, чтобы разузнать обстановку.

В ресторанах и чайных всегда много людей, это лучшее место для сбора новостей. Войдя внутрь, они заняли столик в углу общего зала.

К ним услужливо подошел официант, и Ли Ляньхуа заказал одно мясное блюдо, одно овощное и чайник чая. Когда официант принес заказ, Ли Ляньхуа заговорил:

— Слышал, здешние лотосы в Усадьбе Сбора Лотосов очень знамениты. Правда ли это?

Ли Ляньхуа протянул ему кусочек серебра, и улыбка официанта стала еще шире:

— Это правда! Но усадьба открылась совсем недавно, вы, господин, очень осведомлены. Правда, недавно там скончалась хозяйка, так что место теперь считается недобрым, и людей там почти нет.

Официант украдкой взглянул на лицо Чэн И и поспешно опустил глаза.

— Господин, если хотите полюбоваться видами, у нас есть другие пруды с лотосами.

Чэн И, погруженный в свои мысли, безмятежно пил чай и почти не слушал, что говорит официант.

Ли Ляньхуа сделал вид, что расспрашивает из простого любопытства, а затем махнул рукой, отпуская слугу.

Отойдя, официант спрятал серебро за пазуху.

Он подумал, что в наши дни деньги зарабатываются легко — достаточно просто поболтать. А кто они такие... да какая разница, не его это дело.

Они прибыли в Усадьбу Сбора Лотосов под предлогом желания полюбоваться лотосами. Поскольку слава об усадьбе еще не разлетелась, Ли Ляньхуа пообещал сочинить стихотворение для рекламы, и их приняли как почетных гостей.

Они приехали довольно рано: на данный момент в усадьбе скончалась только одна невеста, та самая, что была связана с Шихунем.

Го Цянь выглядел благопристойно, Го Кунь уже начал терять рассудок, а молодой господин Го Хо был еще десятилетним ребенком.

Поскольку истина была им известна, оставалось лишь ночью тайком выкопать тело, спрятанное Шихунем. А что касается остального, то после подтверждения наличия тела на дне пруда можно было сразу передать дело властям.

Вступать в контакт с Академией Байчуань им пока не хотелось.

Ли Ляньхуа еще не обрел полного душевного спокойствия, а Чэн И носил лицо Ли Сянъи. Одно дело — водить за нос простых обывателей, но встретить кого-то из бывших соратников

Сэгүмэнь было бы крайне неприятно.

На всякий случай Ли Ляньхуа написал анонимное письмо и отправил его в Академию Байчуань, чтобы предупредить их.

<http://bllate.org/book/21483/2198513>